

Мария Головановская рассказывает, что среди политиков преобладают сильные люди

РЫБАЛКА И РОМАНЫ О ЛЮБВИ

Независимая газета
— 2000. — 25 нояб. — с. 7

О некоторых предпочтениях современных российских писательниц

Александр Щуплов

МАРИЯ, как в наши дни женщина, которая является директором по PR известной фирмы, приходит к мысли писать книги о любви?

— Нынешняя книга — «Противоречие по сути» («Вагриус») — моя третья книга, а бизнес-леди я стала относительно недавно. Защищала докторскую в МГУ, работала более 4 лет журналистом. Теперь вот занимаюсь таким ныне модным делом, как пиар. Поэтому любовь к написанию книг стабильнее, чем смена сфер деятельности, всегда творческих, но рассматриваемых мною как источник стабильности всякого рода, и моральной, и материальной. Я всегда относилась к писательству легкомысленно, хотя помимо трех книг написала более 60 рассказов, которые печатались лучшими российскими журналами. И только сейчас, когда загрузка стала максимальной и экстремальной, наконец-то ответила себе на вопрос, кем в большей степени себя ощущаю.

— И кем?

— Писателем.

— Значит, вы романист?

— Почти. Всегда писала много стихов, но считала, что стихи уж совсем никому не интересны и поэтому не печатала их. Однажды их увидел мой американский друг и отправил в «Ардис». К моему удивлению, «Ардис» опубликовал. А вообще, писать я начала поздно, хотя всю жизнь мне казалось, что во мне клубятся какие-то тексты. Дедушка, наверное, мешал. Мой дед, Савва Головановский, довольно известный в прошлом писатель, любил говаривать: «Манюша, делай в жизни чего хочешь, только не пиши».

— Не послушались дедушкина совета?

— Не послушалась и опубликовала первую книжку уже после его смерти. Хотя вокруг литературы ходила долго и упорно, вот филфак МГУ, например, закончила. Потом и журналист тоже на жизнь зарабатывает себе пером. И знанием жизни. Да и пиар, хоть и по касательной, но тоже связан с придумыванием образов и сюжетов.

— Кто у вас ходит в пиар-клинтах?

— К сожалению, не могу сказать. Мы, как врачи, своими клиентами не хвалимся. Потому как считаем это неэтичным. Кто из современных пиарщиков не хвалился тем, что именно он придумал и воплотил в жизнь Путина? Только ленивый. А рекламного эффекта никакого. Могу сказать с уверенностью, что к этому «проекту» никакого отношения не имею. Да и вообще я думаю, что вокруг пиара слишком уж сильный романтический ореол у нас в России. Работа как работа. Причем технологии в пиаре должны быть столько же, сколько и в производстве алюминиевых кастрюль. В этом как раз и состоит беда российского пиара, что многие понимают его как креатив или, иначе говоря, как творчество. Когда перестанем так думать, тогда и будет у нас в стране нормальный пиар.

— Порой в народе считают пиарщиков надувателями...

— В той же мере, как надувательством является умение есть ножом и вилкой. Ведь удобнее-то руками. Пиарщики по большому счету призваны привить российской политической жизни некоторые культурные рефлексы, которые существуют в других странах и которые мы заимствовали в других сферах. Политик ведь так и норовит схватить котлету рукой, а пиарщик с занудным выражением лица повторяет ему: «Вилку-то возьми, а то избиратели не поймут». Шуучу.

— Может ли пиарщик-либерал (по внутренним убеждениям) раскручивать, например, левого политика?

— С удовольствием бы ответила вам, что и либералов, и левых политиков придумали своего рода пиарщики, но боюсь, что объяснения потребуют слишком много времени. Ответу на вопрос. Мы в России всегда выбираем людей, а не идеи, симпатизируем людям, а не идеям. А с сильным и ярким политиком всегда интересно и перспективно работать. А потом ведь со временем меняются не только времена и нравы, но и политическая ориентация. Вот Горбачев, например, коммунист по убеждениям, взял и совершил в России буржуазную революцию. Другое дело, что как в жизни, так и в политике встречаются отщепенцы, давно преодолевшие все мыслимые границы между добром и злом. Так вот с такими людьми лучше вообще никому не иметь дела, не только пиарщикам.

Писатель Мария Головановская.

— Какое впечатление писательница Мария Головановская вынесла о политиках, познакомившись с ними поближе?

— Вообще-то фирма, в которой я работаю, больше занимается бизнес-проектами, но на ваш вопрос я отвечу. Политики меня приятно удивили. Среди тех, с которыми мне довелось встречаться, преобладают умные и сильные люди, и я объясняю себе это тем, что путь естественного отбора, который они прошли, дал им хорошую школу. Люди с низким интеллектом, волей, характером быстро сходят с дистанции.

— Обычно интеллигенты ругают политиков, а вы — наоборот.

— Это очень плохая черта русских интеллигентов всех ругать, она мне крайне антипатична. И вообще интеллигенты страшно разочаровали меня, хотя бы тем, что не заступились за Горбачева, которого попирали у них на глазах много лет и который дал обществу те свободы, о которых эти интеллигенты мечтали и которые пропагандировали. Быть интеллигентом у нас значит порицать и политиков, и бизнесменов, и тех, кто просто не разделяет их взглядов по большинству вопросов. Якобы интеллигенты у нас обожают культуру и презирают все материальное. Но разве не сами интеллигенты затоптали многих талантливых писателей, художников, музыкантов? Нет ничего проще, чем посорить интеллигентов между собой и заставить сражаться друг с другом. Хотя бы потому, что, как в народе говорят, два интеллигента — три мнения.

— И это говорите вы, доктор филологических наук, писатель, интеллигентка как минимум в третьем поколении?

— Мне стыдно, что я это говорю. Если в чем россияне и преуспели больше остальных народов, так это в обливании себя грязью.

— А вы могли бы написать книгу, роман, например, о дружбе между политиком и пиарщиком, и возможна ли такая дружба?

— Дружат не профессии, а люди, как, впрочем, и любят друг друга. Можно, конечно, написать хармсовский роман, где образ пиарщицы влюбится в образ политика, но ведь в романах о любви не слишком интересно, кто герои по профессии. Хотя, может быть, я и не права. Коллизия может получиться отменной. Герой — восходящий политик, а его возлюбленная раскручивает его конкурента. Но, по-моему, все-таки не жизненная ситуация.

— А кто входит в число ваших друзей?

— Журналисты, художники, бизнесмены, чиновники. Да в общем самые обычные люди, как у всех.

— А писатели?

— Писателей нет. Есть поэты. Володя Салимон, например.

— Вы сторонитесь писательской дружбы?

— Я сторонюсь не писательской дружбы, а среды. Наша писательская среда все чем-то мается: то православием, то либерализмом, то заботой о судьбах народных. Очень мне не нравится стадное чувство, и еще не нравится — видите опять кого-то ругаю! — лень и неопрятность. Политики мне хотя бы ближе уже тем, что встают рано, работают по 18 часов в день и носят белые рубашки. Убеждена, что человеческая незадействованность в нормальной ритмичной рабочей жизни никак не конвертируется в художественные высоты. Многие западные писатели, которыми мы восхищаемся, честно работали всю жизнь, кто в банке, кто в агентстве по недвижимости и т. д.

— В вашей новой книге герои — новые люди. Не новые русские, а именно новые люди. Люди, для которых материальный вопрос уже решен, и они могут решать вопросы духовные. Вы не боитесь, что вас обвинят в снобизме?

— Обвинение в снобизме я бы как-нибудь пережила бы. Снобизм не самая плохая вещь на свете. А что касается до материального благополучия, то, как известно, деньги в счастье конвертируются с трудом. Книга «Противоречие по сути» — это книга о любви, о счастье и несчастье, о том, что, как мне кажется, интересно каждому. Мне очень хотелось написать книгу, которая будет интересна каждому вне зависимости от месячного дохода. И в этом смысле лавры Франсуазы Саган всерьез не дают мне покоя.

— Время ли сейчас писать о любви, у «бездны мрачной на краю»?

— Убеждена, что время. И трагедия в Чечне здесь ни при чем. Трагедия в Чечне требует решений государственного уровня, и общество должно требовать от государства таких решений. Я мечтаю жить и, если угодно, строить гражданское общество, строить в том числе и книгами о любви. «Вор должен сидеть в тюрьме». Учитель — учить детей в школе. Писатель — писать о любви. Философ — говорить о смысле жизни. Мне грустно, что безусловно верный жизненный тезис «Каждому — свое» (Jeder hat seine) освящал ворота Бухенвальда. Этот лозунг применим к нормальному гражданскому обществу. Которое не имеет ничего общего с концлагерем. Такова ирония сентенций.

— От ваших мечтаний отдает откровенным идеализмом. Вам самой так не кажется? «Обществу должно требовать у государства». Да у большинства членов нашего общества элементарно денег нет на жизнь. С этим-то что прикажете делать!

— Деньги можно либо красть, либо зарабатывать. Я мечтаю, чтобы Россия была государством, где абсолютное большинство граждан зарабатывает, а не ворует. Шулки про то, что в России все крадут, мне не смешны. Меня очень расстраивает, что в моей стране нет одержимости честными заработками. Не будем углубляться в историю вопроса и мучиться традиционными русскими импотентскими вопросами: «Что делать?» и «Кто виноват?». Скажу только, что в России дефицит настоящих мужчин, которые не разговаривают, а делают. Которые презирают пустозвонство, забастовки, дурацкое битье касками по мостовой и ложкой по пустым мискам. Нет денег — забирай семью, уезжай туда, где есть работа. Уходи пешком. Ищи выходы, чтобы дать своей семье достойную жизнь. Именно из такой идеологии рождается нормальная жизнь, нормальная мораль и с течением времени — нормальное государство, которое просто задает вменяемые правила игры.

— Если сейчас начнется революция, вы-то сами смогли бы в ней поучаствовать?

— Нет. Во-первых, потому, что революция — это кровь, а за кровь отвечают те, кто понимает, что революция — это кровь, и в ней участвуют. Если угодно, революция — это безнравственно, хоть и увлекательно для людей с воображением. Я свою азартность предпочитаю удовлетворять на рыбалке, с которой обожаю с детства, и за игрой в Маджонг, знаменитая китайская азартная игра, в которую я играю последние 10 лет. Это не так безнравственно, как революция.

— Ну, а дворцовый переворот вас бы прельстил?

— Пожалуй, да. Дворцовый переворот — это настоящее царство интриги, которое не может оставить писателя равнодушным. Дворцовый переворот — это концентрат бурной политической жизни, но только без невинных жертв на улицах. Как пиарщик, я мечтаю бы прописать сценарий одного из них. Если бы не получилось переуступить общество, то, может быть, получилось написать интересную книгу.